

Той ночью Фэн Цзюцин, проспав весь день, никак не мог уснуть и при свете свечи увлеченно читал только что полученный сборник новелл.

Он был так поглощен чтением, что не сразу услышал, как в открытом окне зашумел ветер, а мгновение спустя в комнату вломился человек.

Фэн Цзюцин, чье настроение было испорчено внезапным вторжением, уже собирался в сердцах пнуть незваного гостя, но, заметив его лицо, а точнее — глаза, поспешно отдернул ногу.

— Системка, ну и дела, едва успел убрать ногу, — пожаловался он своей Системе на только что пережитый опасный момент.

В тот же миг свеча в комнате погасла. Незнакомец оказался у него за спиной, и к горлу Фэн Цзюцина прижалось холодное, острое лезвие меча:

— Молчи. Скажешь хоть слово — умрешь.

Снаружи донеслись крики охраны и топот ног. Задний двор башни Ситай, еще недавно погруженный в тишину, наполнился шумом и суетой.

Услышав за спиной знакомый низкий голос, Фэн Цзюцин вздохнул и мягко произнес:

— Дорогой гость, если вы поднесете меч еще ближе, то просто порежете мне горло.

— Цинцин?

Фэн Цзюцин осторожно отвел лезвие от шеи, сделал несколько шагов вперед, чтобы закрыть окно, и, вернувшись к кушетке, задернул полог. В воздухе он уловил легкий запах крови, смешанный с ароматом сандала — если не принюхиваться, то и не заметишь.

— Дорогой гость, вы ранены?

Мо Лин не успел ответить — снаружи послышался голос начальника охраны:

— Глава! Глава, на территорию проник вор. Ради вашей безопасности, прошу, откройте дверь, нам нужно провести осмотр.

Одновременно с ним раздался голос служанки Тяньцин:

— Что за наглость? Кто позволил вам врывать в покои Главы? Жить надоело? Проваливайте!

— Мы лишь исполняем свой долг, прошу простить нас.

Начальник охраны договорил и жестом приказал своим людям вскрыть дверь. Тяньцин, помня о наставлении Фэн Цзюцина скрывать свои истинные силы в башне Ситай, не осмелилась применить боевые навыки и была быстро оттеснена в сторону.

Фэн Цзюцин тут же спрятал Мо Лина под одеяло и опустил полог.

Грохот!

Не успел он и слова сказать, как дверь распахнулась. Группа охранников с факелами приближалась к нему. Взгляд Фэн Цзюцина стал холодным, словно вековые льды, а голос прозвучал ледяной сталью:

— Дерзость! Кто позволил вам входить? Вон отсюда!

Начальник охраны на мгновение замер, но, не желая отступать, продолжил приближаться:

— Проник вор. Прошу вас, Глава, откройте полог, нам нужно осмотреться.

Свет факелов становился все ближе. Хотя под объемным одеялом было трудно разобрать, сколько человек лежит на кушетке, стоило лишь откинуть ткань, как Мо Лин оказался бы на виду.

Фэн Цзюцин выхватил длинный меч из-под подушки и, просунув его сквозь полог, направил на незваных гостей. Голос его стал еще холоднее:

— Мои покои — проходной двор? Сделайте еще хоть шаг, и я лишу вас жизни! Вы забыли прошлый урок? Может, в этот раз мне стоит использовать вас как подношение для моего меча? Хотите умереть — я с радостью помогу!

Хотя новый Глава был здесь всего несколько дней, все уже знали о его скверном характере. В прошлый раз, когда один наглый охранник попытался распутить руки, Глава собственноручно отрубил ему обе конечности, и владелец башни не только не наказал его, но и похвалил за храбрость.

Те, кто под предлогом поиска вора вынашивал дурные замыслы, тут же попятились, напуганные решимостью Фэн Цзюцина.

— Мне что, лично проводить вас до выхода? — вкрадчиво прошептал Фэн Цзюцин.

Охранники, вздрогнув от этого тона, поспешно отступили и в панике бросились прочь:

— Просим прощения! Глава, не держите зла на нас, грубиянов, мы уходим!

Последний из них даже услужливо прикрыл за собой дверь.

Убедившись, что все ушли, Фэн Цзюцин запер дверь на засов и зажег свечу. Достав из ящика мазь от ран, он с тревогой и жалостью в глазах спросил:

— Дорогой гость, куда вас ранили?

Мо Лин с недоумением смотрел на него. Только что этот холодный и безжалостный Цинцин был совсем не похож на того, которого он знал, — он был в точности таким, как описывали Главу башни Ситай. Слухи не врал. Но почему же перед ним этот Глава не показывал своих когтей, а вел себя как невинный и соблазнительный котенок, что прячет острые зубы и подставляет мягкое брюшко, заманивая в ловушку?

Беспокойство в глазах Фэн Цзюцина казалось искренним. Мо Лин действительно получил лишь поверхностную рану, и когда он хотел забрать мазь, Фэн Цзюцин отказал ему:

— Я сам обработаю вам рану.

Может, из-за того, что красота при свете свечи действовала одурманивающе, Мо Лин неожиданно для себя согласился. Но когда одежда была распахнута и обнажился раненый живот, он пожалел о своем решении.

Звук сглатываемой слюны в ночной тишине было невозможно игнорировать, а от обжигающего взгляда, устремленного на него, было не защититься. Мо Лину оставалось лишь сохранять невозмутимый вид.

Фэн Цзюцин, обрабатывая рану, болтал с Системой:

— Системка, у Мо Лина такое тело! Объявляю в одностороннем порядке: это лучшее тело после моего. Посмотри на эти мышцы пресса, какие крепкие, так и хочется потрогать.

Система бесстрастно возразила:

— У тебя только шесть кубиков пресса, у Мо Лина их восемь. Его тело лучше твоего.

Фэн Цзюцин, занятый тем, что под предлогом лечения «поедал глазами» лакомство, пропустил слова Системы мимо ушей. Но когда его руки стали слишком уж беспокойными, Мо Лин не выдержал, перехватил его ладонь и одной рукой запахнул одежду.

Фэн Цзюцин, лишившись добычи, на мгновение растерянно склонил голову:

— Дорогой гость?

Этот жест стал последней каплей, и гнев, вызванный флиртом Фэн Цзюцина, достиг пика. Мо Лин одной рукой притянул тонкую талию этого маленького демона, другой обхватил подбородок и, поддавшись внутреннему порыву, прильнул к его губам.

Хотя инициатива была перехвачена, Фэн Цзюцин не был из тех, кто покорно склоняет голову. Он ответил на поцелуй, властно проникая языком в рот противника.

Мо Лин, хоть и имел гарем из трех тысяч красавиц, никогда не знал плотских утех. Он даже не умел толком целоваться, но Фэн Цзюцин был мастером своего дела, сразу перейдя к глубокому французскому поцелую.

После минутного замешательства Мо Лин словно обрел просветление. Подобно прилежному ученику, он начал учиться на ходу, но Наставник императора не уступал ни на шаг. Они состязались в пылу страсти, и неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем они отстранились друг от друга.

Уголки глаз Фэн Цзюцина покраснели, в них блестели прозрачные слезинки.

Он стиснул зубы, проклиная те странные рецепты лекарств, что подсунула Система — из-за них он оказался в проигрыше. Внутри он обрушил на нее поток негодования:

— Системка, если я когда-нибудь умру, то только из-за тебя!

Электронный голос Системы был лишен эмоций:

— Лекарство ты варил сам, пил тоже сам. Я-то тут при чем?

Задетый за живое, Фэн Цзюцин начал спорить:

— А кто еще, если не ты? Непутевое дитя!

Система сухо отозвалась:

— Ха-ха.

Фэн Цзюцина душила досада. Мо Лину было не лучше — на его губе виднелась крошечная ранка, оставленная зубами этого маленького, острого на язык демона.

В полумраке свечи Мо Лин источал пугающее чувство собственности, словно хищный зверь, метящий свою территорию. Он слизнул кровь с уголка губ, выглядя опасно и притягательно:

— Цинцин, кажется, ты большой мастер. У кого учился?

<http://bllate.org/book/21502/2203460>